

Марина
СЕРОВА

МЕСТЬ ПОД ПАРУСАМИ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина Сергеевна Серова
Месть под парусами
Серия «Русский бестселлер»
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65329677
Месть под парусами: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-120683-3*

Аннотация

Сергея Комарова многие за глаза называли «человек в футляре». Излишняя аккуратность и занудство начальника производственного отдела «МедТех» многих раздражали, но не до такой же степени, чтобы его убить?! Однако Сергея придушили собственным галстуком на корпоративе, и все следы преступника ведут в родную фирму... Частному детективу Татьяне Ивановой придется погрузиться в будни обычного офиса, чтобы найти настоящего убийцу.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	56
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Марина Сергеевна Серова

Месть под парусами

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Серова М.С., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Глава 1

Прогулочный теплоход легко разрезал водную гладь. Волны разбегались по сторонам, пенились барашки на гребнях, солнечные блики гуляли по воде и изредка заставляли прищуриваться прогуливавшихся по палубе людей. Запахи, доносившиеся из кубрика, дразнили обоняние, живописная природа на проплывающих берегах услаждала взгляд, даже крик чаек не раздражал слух.

Анатолий Борисович Гарин, глава небольшой, но уверенно стоящей на ногах фирмы по поставкам стоматологического оборудования с незамысловатым названием «МедТех», с удовольствием разглядывал расслабленные лица своих сотрудников. Главы отделов собрались здесь, чтобы за накрытым столом отметить пятилетие фирмы и поговорить о будущем.

Погода радовала солнечным днем, а мелкие брызги воды приятно освежали лицо. Все-таки его секретарше Анечке пришла в голову замечательная идея устроить праздник на теплоходе!

Анечка вообще была большой умницей. Звезд с неба не хватала, но благодаря старательности, трудолюбию и харизме, подкупающей людей с порога, она бессменно работала плечом к плечу с Анатолием Борисовичем с самого рождения «МедТех». Впрочем, как и остальной коллектив. Текуч-

ки кадров в фирме практически не было, и Анатолий Борисович по праву гордился этим обстоятельством.

По палубе сновали официанты, двое, парень и девушка.

«Интересно, встречаются ли они?» – задался вопросом Гарин, замечая томные взгляды, что бросала стройная девушка на высокого парня с плавными, какими-то текучими движениями.

Впрочем, мужчина тут же забыл об этом, увидев приближающуюся к нему молодую высокую женщину, что занималась организацией этого праздника.

– Елена, – вежливо склонил голову Анатолий Борисович, – простите, если отрываю от важных дел, просто хотелось бы узнать, когда начнется непосредственно действо?

– О, конечно! – с готовностью отозвалась женщина, раскрыв папку, которую держала в руках. – Буквально в течение получаса мы причаливаем к берегу. Блюда, посуда, приборы уже готовы. Столы и стулья мои ребята уже привезли на место банкета. Вам останется лишь сойти на берег и немного осмотреться, пока официанты сервируют стол.

– А случайным людям мы там не помешаем? – забеспокоился Анатолий Борисович. – Не хотелось бы, чтобы наш праздник кто-то посчитал неприятным соседством.

– О нет, не волнуйтесь об этом! – успокоила его Елена. – То место, где будет проходить ваш банкет, – частная территория. Мы давно сотрудничаем с владельцем земли, и накладок до сих пор не было. И сегодня не будет! – уверила жен-

щина. — У нас имеется годами выверенный план действий.

Елена оказалась права — все происходило словно по сценарию, а может, так оно и было. Еда была вкусной, шампанское — игристым, разговоры — веселыми.

День можно было бы назвать идеальным, если бы он не заканчивался так быстро. Под хорошее настроение и беседы текли душевные, все с шутками да прибаутками. Совсем не хотелось обращать внимания на сгущающиеся сумерки. Хотя и тут устроители банкета позаботились о гостях. На палубе теплохода вдруг зажегся прожектор, освещающий берег, точнее, столы и сидящих за ними людей.

Парень-официант вытащил на берег мангал, разжег его и засуетился над заранее замаринованным мясом. Совсем скоро по поляне поплыл дурманящий запах. Шашлык буквально таял во рту, шампанское благополучно оказалось отставленным в сторону, а по рюмкам полилась прозрачная водка. Смех становился все громче, шутки — раскованнее, и теперь было сложнее уследить за всеми сразу.

Анатолий Борисович неспешно переходил от группки людей к следующей группке. Хотелось успеть уделить внимание всем им.

Раздобревший директор внезапно понял, как сильно повезло ему с коллективом. И коллектив, кажется, полностью отвечал ему взаимностью.

Зато, когда все поднялись на борт, готовые отправляться по домам, произошло неожиданное.

– Погодите-ка, – внезапно сделал шаг вперед начальник службы безопасности, который практически не прикладывался к рюмке в этот томный вечер. – Кто видел Комарова?

Все присутствующие недоуменно переглянулись. Действительно, Сергей Комаров уже давно не попадался никому на глаза, несмотря на то, что до этого он весь вечер был на виду. А теперь никто толком не мог вспомнить, когда видел его в последний раз.

– Мы с ним про рыбалку говорили, но это давно было, еще шашлыки только готовились, – подал голос кто-то из толпы. – А потом я его не видел, кажется. А вы, Вадим Романович?

Начальник службы безопасности, тот самый Вадим Романович Белых, обвел всех цепким взглядом и отрицательно качнул головой.

– Что же делать? – громко воскликнула кадровичка Нелли Юрьевна, в голосе которой явственно слышались истерические нотки. – Мы же не могли просто так потерять человека!

– Комаров не из тех, кого можно было бы так просто потерять, – мрачно процедил сквозь зубы Белых.

– Что вы так помрачнели, Вадим Романович? – хохотнул кто-то. – Может, человеку просто отлить приспичило.

– Может, – тот согласно кивнул. – Однако проверить нужно. Без него все равно не поплывем.

Белых спустился на берег, зажег фонарь и отправился в сторону редкой лесополосы, потому что только там можно

было укрыться от яркого света прожектора и только туда можно было отбежать по нужде тому, кто не хотел подниматься на борт.

Анатолий Борисович же, бросив взгляд на притихших сотрудников, понял, что вечер внезапно перестал быть томным.

Администратор Елена, которая на протяжении всего вечера сновала туда-обратно, тихо проговорила:

– Я спросила своих ребят и команду. На теплоход отдельно от вас никто не поднимался.

Она нервно прижала пальцы к вискам, вздохнула и уже собиралась было что-то сказать, как на палубу взбежал запыхавшийся Вадим Романович:

– Надо вызывать полицию.

– Не нашел? – вскинулся Гарин.

– Нашел. – Мужчина хмуро посмотрел на директора. – Он мертв.

Заохали женщины, заматерились мужчины, Нелли Юрьевна и вовсе вознамерилась потерять сознание от таких новостей, но, оглядев взбудораженную толпу, с обмороком решила повременить.

Анатолий Борисович побледнел и резким кивком позволил Вадиму Романовичу самому разбираться с органами правопорядка. Откровенно говоря, Гарин не умел и не любил общаться с полицией, отчего-то робея, изредка даже заикаясь, и это при том, что сам он никогда не привлекался

даже за неправильную парковку.

Пока полицейские добирались до места, Анатолий Борисович приблизился к Белых.

– Что же все-таки случилось, Вадим Романович? – стараюсь не привлекать внимание шокированных новостями сотрудников, тихо спросил он.

– Я нашел Комарова в лесочке, лежащим возле дерева. Сначала решил, что тот просто дозу спиртного не рассчитал, вот и прилег отдохнуть, однако я ошибался. Сергей был задушен. Скорее всего – собственным галстуком. Именно он был обернут вокруг его шеи.

– А может, – Гарин ухватился за пришедшую в голову мысль, – Сергей сам... того...

– Не думаю. – Белых скептически хмыкнул. – Он ведь лежал под деревом, а не висел на нем. В то, что он сам себя задушил, я не поверю.

– Может, отравился? – зачем-то продолжал предлагать версии Гарин, как будто тем самым мог изменить случившееся.

– Исключено. Расширенные зрачки и белки глаз, налитые кровью, я бы мог еще списать на что-то еще, да и сиюшность тоже, однако странгуляционная борозда на шее не оставила простора для фантазии.

– Что? – переспросил Анатолий Борисович, не уверенный, что правильно расслышал.

– След от удувки, – пояснил Белых, проведя по своей шее

ребром ладони, — в нашем случае — галстука.

— Вы очень подкованы в данном вопросе, Вадим Романович, — серьезно взглянул на него Гарин.

Мужчина собирался что-то ответить, как до ушей донесся звук полицейской сирены, и Белых, пробормотав напоследок что-то вроде «Позже поговорим», отправился встретить полицейских.

Анатолий Борисович словно в каком-то жутком полусне наблюдал за тем, как пристань наводнилась машинами с мигающими проблесковыми маячками, как забегали туда-обратно люди, в форме и в штатском, как невысокий, плотно сбитый человек подошел к Вадиму Романовичу.

Гарин пытался понять, с кем сейчас разговаривает его начальник службы безопасности, однако вот так, на расстоянии, сделать это было проблематично. Именно поэтому мужчина вынужденно приблизился, чем и спровоцировал интерес к собственной персоне.

Человек, что до этого выслушивал рассказ Вадима Романовича, обернулся к Гарину и представился следователем Кругловым.

Анатолий Борисович предсказуемо растерялся и вряд ли смог бы хоть сколько-нибудь внятно ответить на поставленные вопросы, если бы не Белых, надежно вставший плечом к плечу.

Гариным овладела даже некая досада: взрослый, состоявшийся мужчина, директор, а не обычный клерк, а робеет при

виде красной корочки. Но ничего, как раз эта досада на самого себя и помогла ему собраться настолько, чтобы как-то пережить последующие распри.

К Круглову то и дело подбегали какие-то люди. До Анатолия Борисовича доносились фразы, которые он предпочел бы никогда в своей жизни не слышать.

«Следов волочения нет». «При первичном осмотре частиц кожи или крови на галстук не обнаружено, но это нужно будет тщательно перепроверить, потому что ссадина на шее имеется». «Смерть наступила совсем недавно, тело еще не успело остыть. Правда, тут нужно сделать скидку на теплую погоду». «Точнее скажу после вскрытия».

В конце концов тело Комарова погрузили в машину и увезли.

Опросив всех, кто был на теплоходе, записав данные и адреса, парни с блокнотами так же удалились. И когда наконец теплоход двинулся в обратный путь, уже никто не обращал внимания ни на красоту августовской ночи, ни на мерный плеск волн, разбивающихся о борт судна, ни на прохладный ветер.

Гарин тогда, снова и снова обводя взглядом сотрудников, никак не мог выбросить из головы предательскую мысль: ведь это кто-то из них, таких хороших, знакомых и привычных, оказался способен убить Комарова.

Когда ничем не выдающимся теплым летним утром раздался телефонный звонок, я как раз вышла из душа и не спеша потягивала кофе, бездумно глядя в окно.

Неизвестный номер на дисплее мигом заставил собраться. Предчувствие меня не обмануло – незнакомый мужской голос с приятной хрипотцой в первую очередь поинтересовался:

– Татьяна Александровна Иванова?

– Верно. Вы не ошиблись, – подтвердила я.

– Частный детектив? – все же счел нужным уточнить голос.

– И снова верно. – И я примолкла в ожидании, которое, судя по неуверенным интонациям звонившего, могло затянуться.

Но вопреки опасениям долго ждать не пришлось.

– Ваш номер телефона дал мне человек, которому вы однажды помогли, – наконец отмер обладатель приятного голоса. – Вы помните Долгова?

Долгова я помнила. Известный в своих кругах композитор, периодически дающий концерты, на которых исполнял произведения собственного сочинения, внезапно стал объектом преследования.

Несмотря на внезапно обрушившуюся на него популяр-

ность, Долгов, кажется, так и не смог привыкнуть к мысли, что теперь он – звезда. И что у такой выдающейся личности могут быть фанаты. И не всегда эти фанаты бывают адекватными.

Когда он обнаружил, что вышла из строя видеокамера, установленная на воротах у его частного дома, он не забеспокоился. Хотел обратиться в фирму, которая занималась установкой, да позабыл об этом желании с присущей творческим людям рассеянностью. Все равно, мол, он за этими записями не следил, так зачем ему нужны были лишние заботы.

Затем куда-то исчезли наручные часы, дешевые, совершенно непрезентабельные, однако бесконечно дорогие Долгову как память. Именно эти часы подарил ему сын с первой своей зарплатой. А с сыном отношения были очень теплыми, несмотря на то что с его матерью они развелись давным-давно. После пропажи часов Долгов забеспокоился, но опять списал произошедшее на свою рассеянность. Решил, что сам куда-то положил, а куда – не помнил.

Но когда на домашний адрес стали приходить написанные от руки письма, верить в случайности уже не получалось. Сперва в письмах сквозило неприкрытое восхищение, затем какая-то болезненная одержимость каждым шагом композитора, а вскоре и вовсе появились намеки на то, как прекрасно было бы сначала Долгова ото всех спрятать, а потом и умереть вместе.

Этого Долгов уже не вынес и обратился ко мне. Мне тогда

пришлось прятать его по знакомым, гостиничным номерам и съемным квартирам до тех пор, пока не удалось вычислить безумную фанатку, растерявшуюся от наших хаотичных перемещений, а оттого и потерявшую бдительность.

С Долговым мы расстались добрыми приятелями, он даже как-то прислал мне приглашение на концерт, которым я благополучно и с удовольствием воспользовалась.

– Конечно я помню его, – вынырнула я из своих мыслей. – Вам нужна моя помощь?

– Да, – выдохнул с каким-то облегчением мужчина. – Мы можем поговорить не по телефону?

– Само собой.

– В таком случае не могли бы вы подъехать к офису компании «МедТех»? Я сейчас сброшу адрес в сообщении. Только в сам офис не поднимайтесь. Недалеко есть небольшой парк, там разговаривать будет намного удобнее.

– Почему? – невольно заинтересовалась я.

– Я все объясню при встрече, Татьяна Александровна.

Парк, в котором мы встретились с Анатолием Борисовичем Гариным, был небольшим, но уютным. Августовское солнце проглядывало сквозь кроны деревьев и вовсю ласкалось, словно пытаясь урвать еще немного времени перед наступлением осени.

Анатолий Борисович неспешно вышагивал по парковой аллее, чуть склонив голову, сцепив руки за спиной. Он был

широкоплеч и высок, ронял слова размеренно, тихо, вдумчиво.

Я исподтишка разглядывала породистое лицо с нахмуренными бровями, но пока не перебивала. А он рассказывал о случившемся накануне подробно, так, как я и просила. И то, с каким старанием он подошел к моей просьбе, подкупало. Как подкупала и его манера вести себя с пока еще малознакомой женщиной. Вежливо склоненная голова, галантно подержавшая мой локоть рука перед крутой ступенькой, приятный голос. Впрочем, о голосе я что-то такое уже думала.

Услышав всю историю от начала до конца, я наконец поняла, почему он не захотел разговаривать в офисе. По всему выходило, что убить Комарова мог любой из присутствующих на банкете.

– Анатолий Борисович, мне нужны имена людей, присутствующих на банкете.

– Могу ли я рассчитывать, Татьяна Александровна, что вы возьметесь за это дело? – взглянул на меня Гарин с такой надеждой, что я не смогла бы отказать, даже если бы хотела.

Но я не хотела. Дело обещало быть интересным, хоть и запутанным. Потому в ответ на вопросительный взгляд я согласно кивнула.

Мужчина тут же достал из портфеля тонкую стопку бумаг:

– Взгляните, Татьяна Александровна, Анечка подготовила все необходимое: имена, должности, контактные телефоны всех наших сотрудников, а также номер телефона компа-

нии «Дельфин», администратор которой занималась организацией банкета.

– Вы наверняка знали, что может мне понадобиться, – улыбнулась я Гарину, довольная возможностью иметь дело с ответственным человеком. – Кстати, позвольте уточнить. Вы упомянули о некой Анечке. Можно подробнее? Я не вижу ее имени в этих бумагах, – проговорила я, просматривая листки с отпечатанной информацией.

– Анечка – это моя секретарша, – начал свой рассказ Анатолий Борисович. – На самом деле она не просто секретарь, но и надежная помощница. Анна работает у меня с самого открытия фирмы. И за все это время она не подвела ни разу, ни разу не ошиблась. Анечка – дочь моих близких друзей. С ее отцом мы и вовсе дружим со школьной скамьи. Она у них поздняя, долгожданная, выстраданная, вымоленная. Залюбленная до предела, однако капризной никогда не была. Удивительно, правда? – мужчина тепло улыбнулся, не дожидаясь, впрочем, ответа. – Всегда, на любой праздник, на любую встречу друзья брали дочку с собой. Анютка никогда не мешала разговорам, а все вокруг умилялись, какой замечательно послушной росла девочка. Ее невозможно было не любить. Так что, пожалуй, я с тех пор и по сей день отношусь к ней, как относился бы к собственной дочери. Своих-то детей у меня нет.

Гарин на мгновение приостановился, но тут же махнул рукой:

– Впрочем, это обстоятельство не имеет никакого отношения к делу. А информации об Анечке в бумагах нет, потому что на банкете она не присутствовала. Она лишь предложила идею и нашла организатора.

– А почему же вы не взяли ее с собой на праздник? – Я на самом деле немного удивилась, ведь было бы логично, если бы директор захотел видеть рядом с собой свою верную помощницу.

– Водки выпить я могу и без помощи секретаря, – неловко пошутил Анатолий Борисович. – В действительности же никто из присутствующих глав отделов не брал с собой своих помощников. Не мог же я столь явно отделяться от коллектива. Да и ни к чему столь юному созданию слушать не слишком трезвые разговоры.

Я согласно покивала, но мое желание поговорить с чудесной секретаршей Анечкой никуда не исчезло.

Ничего, я еще успею это сделать. А в данный момент необходимо было уточнить:

– Анатолий Борисович, скажите, есть ли кто-то, в ком бы вы сомневались? Кто-то, кто чисто гипотетически мог бы желать смерти Комарову?

– Если и есть, я об этом ничего не знаю, – сокрушенно качнул головой Гарин. – Мне казалось, что наш коллектив в меру дружный, веселый, здоровый, не побоюсь этого слова. Они для меня словно семья, поэтому и так неприятно сознавать все произошедшее. Еще вчера я бы руку дал на от-

сечение, что никто из них не способен на преступление, но теперь... Теперь я боюсь верить. И ошибиться тоже боюсь. Потому и нуждаюсь в вашей помощи. И можете быть уверены, Татьяна Александровна, если вы выясните, что кто-то из моих людей причастен к убийству, я покрывать никого не стану. Впрочем, и невиновных в обиду не дам.

– Отлично. – Я ободряюще улыбнулась. – А то ведь, знаете, всякое бывает. Рука руку моет, профессиональная этика, все дела. Ваш же подход к делу мне нравится, Анатолий Борисович.

Я придержала мужчину за локоть, вынуждая того остановиться, и еще раз перелистала бумаги с именами:

– Так как, вы говорили, зовут того человека, который нашел тело Комарова?

– Вадим Романович Белых, – с готовностью ответил Гарин и тут же выудил из стопки нужный листок. – Он первым заметил отсутствие Сергея и отправился на его поиски.

– Значит, с Вадимом Романовичем я хотела бы пообщаться в первую очередь. Вы нас представите?

– Конечно, Татьяна Александровна, – едва заметно улыбнулся мне Гарин. – Пойдемте, я провожу вас в офис, прямо к кабинету Белых.

Но стоило нам развернуться по направлению к зданию, как взгляд зацепился за тоненькую фигурку, чуть ли не вприпрыжкудвигающуюся нам навстречу.

– Анечка? – удивленно вскинул брови Гарин.

– Анатолий Борисович, – с легкой укоризной в голосе проговорила чуть запыхавшаяся девушка. – У вас назначена встреча, вас уже ожидают.

– Почему ты не позвонила?

Аня позволила себе слегка снисходительно улыбнуться:

– Вы забыли телефон в кабинете. Вот, – и она протянула директору вышеназванный гаджет.

– Что ж, – подумав пару секунд, произнес Гарин. – Татьяна Александровна, вы сможете немного подождать, пока я закончу с делами? – И добавил после того, как я кивнула: – Анечка составит вам компанию.

Девушка с готовностью посмотрела на меня:

– Конечно!

После того как Гарин быстрым шагом удалился, я снова зашагала по аллейке в глубь парка.

– Расскажите мне о своем шефе, – попросила я шедшую рядом со мной девушку.

– Вы наверняка сами заметили, какой он, – с легкой улыбкой заговорила девушка. – Всегда вежливый, мягкий. Как будто не из нашего времени. Как будто жизнь не оставила на нем своих отпечатков. А ведь тоже не всегда у него все было хорошо. Папа рассказывал, что даже в молодости дядя Толя таким был. А тогда года такие странные были. Молодежь ходила в клешах и на платформах, слушала запрещенных «Битлов», пили портвейн на танцплощадках. Анатолий Борисович всегда сторонился подобных гуляний. И как-то

так сложилось, что за все это время так и не нашел себе пару. А потом уже и не искал. Работал главным инженером на заводе, насколько я помню. У него, кажется, никакой семьи, кроме нашей, и не было.

– Он рассказывал, что любит вас как родную дочь, – ввернула я.

– Дочь, да, – отчего-то слегка погрузнев, подтвердила Анечка.

А мне показалось, что в этих грустных интонациях глубоко спрятано совсем не дочернее чувство.

Но углубиться в эти размышления я не успела, потому что звонок Анечкиного мобильного раздался вдруг оглушительно громко.

Анатолий Борисович, закончив с делами, сообщил, что ждет меня у входа в офис.

Глава 2

Офис был... как офис. Как куча других офисов, в которых мне доводилось бывать ранее.

Почему-то мне казалось, что вся контора должна бы гудеть как растревоженный улей, напуганная либо же заинтригованная не самым, скажем прямо, тривиальным событием, однако на удивление повсюду царила вполне умиротворенная атмосфера.

Девушка на ресепшене кивнула директору и ненавязчиво улыбнулась, протягивая тонкую папку:

– Анатолий Борисович, заезжал курьер из поликлиники, привез документы. Вы сейчас посмотрите или позже через Анечку передать?

– Я сам заберу, Марина, только посмотрю у себя в кабинете.

Вышеназванная Марина смерила меня любопытным взглядом, но удержалась от каких-либо вопросов.

Я кивнула в знак приветствия и, следуя за Гариным, прошла через турникет. Не успели мы приблизиться к лестнице на второй этаж, как директора перехватила еще одна девушка со стопкой бумаг:

– Анатолий Борисович, вам тут из юротдела документы передали.

Гарин слегка кивнул, принимая бумаги из рук в руки, и

тепло спросил:

– Как Тёмочка? Выздоровливает?

– Да, уже уверенно поправляется, спасибо! – девушка расцвела в улыбке и, на ходу поправляя волосы, направилась в обратную сторону, звонко цокая каблучками аккуратных туфель.

– Сын сотрудницы умудрился летом подхватить воспаление легких, вы представляете? – счел нужным объяснить мне Гарин этот короткий диалог, хотя я ни о чем таком и не спрашивала.

За время нашего короткого путешествия по офису компании «МедТех» Анатолия Борисовича окликали еще несколько раз. Казалось, всем было необходимо поговорить именно с ним, отдать документы именно ему, словно и не существовало секретарей и помощников. И ни один человек ни словом, ни взглядом не дал понять, что хоть как-то в курсе событий прошлого вечера.

Теперь я еще лучше понимала сказанные ранее директором слова о практически семейной атмосфере и о его нежелании подозревать кого-то из привычного окружения в совершении особо тяжкого преступления.

Тем временем мы оказались в просторном холле.

– Татьяна Александровна, – обратился ко мне Гарин, – если позволите, я занесу пока бумаги в кабинет, а после представлю вас нашему начальнику службы безопасности.

– Конечно! – кивнула я, про себя снова отмечая безупреч-

ные манеры моего нынешнего работодателя. – Я подожду.

Когда Анатолий Борисович скрылся за дверью с табличкой, на которой было написано его же имя, я с любопытством огляделась.

Просторный холл с широким, почти во всю стену окном. Мне бы хотелось сказать, что из окна открывался роскошный вид, но нет, взгляд останавливался лишь на парковке перед офисом.

Зато сам холл отличался каким-то домашним уютом. Вместо привычных стульев для посетителей вдоль стен стояли мягкие даже на вид диваны, между которыми на низких журнальных столиках лежали ворохи журналов.

Ради интереса я взяла пролистать парочку. Женский глянец, мужской, несколько каталогов с продукцией – всё для того, чтобы любому посетителю не было скучно.

Я отложила в сторону журналы и снова повертела головой по сторонам. Светло-серые стены удачно дополняли металлические кашпо с живыми растениями, чьи побеги спускались чуть ли не до пола. Вполне живо.

Интересно, кто занимался обустройством? Неужели неоднократно упомянутая Анечка?

Погрузиться в эти размышления мне не дал Гарин, быстрым шагом вышедший из кабинета и кивнувший мне, без слов приглашая следовать за ним.

Кабинет начальника службы безопасности также с именной табличкой на двери находился буквально в нескольких

шагах от директорского.

Анатолий Борисович, предварительно коротко постучав и услышав такой же короткий отклик, распахнул передо мной тяжелую дверь:

– Прошу вас, Татьяна Александровна!

В очередной раз внутренне улыбнувшись галантности Гарины, я вошла в кабинет и тут же прикипела взглядом к худому мужчине, стоящему у окна к нам спиной, заложив руки за спину.

– Вадим Романович, я хотел бы представить вас одной очаровательной девушке. Обратите же на нас внимание, – с мягкостью в голосе произнес Гарин, прежде чем закрыть за собой дверь.

– Здесь быстро разносятся слухи, – хмыкнул мужчина и все-таки обернулся к нам. – Зная, что вы пришли с незнакомой девушкой, Анатолий Борисович, и помня о том, чей телефон мы искали с утра пораньше, я делаю вывод, что передо мной частный детектив Татьяна Александровна Иванова.

Он слегка склонил голову в знак приветствия и протянул руку для рукопожатия, а я, прежде чем ответить, поймала себя на мысли: «Ёрничает или же всегда так общается?»

Пока я рассматривала высокого, очень худого, почти тощего мужчину с тонкими губами, острыми скулами и светлыми, практически льдыстыми глазами, тот колючим взглядом так же пристально прошелся по мне. Казалось, этот взгляд можно было даже почувствовать.

Наверное, молчание слегка затянулось, потому что спустя пару секунд Анатолий Борисович неловко кашлянул и проговорил:

– Что ж, не буду вам мешать, общайтесь. А у меня много дел.

Когда за Гариным закрылась дверь, Вадим Романович слегка дернул уголком губ, что, по-видимому, должно было означать усмешку:

– Так о чем же вы хотели со мной поговорить, Татьяна Александровна?

– Расскажите, что произошло вчера, Вадим Романович. – Раз Белых решил перейти сразу к делу, я не собиралась препятствовать.

– Разве Анатолий Борисович не рассказывал? – Правая бровь удивленно приподнялась.

– Рассказывал, конечно, – утвердительно кивнула я. – Однако мне было бы очень интересно послушать и вас. Ведь именно вы нашли тело, если я не ошибаюсь.

– Не ошибаетесь. – Белых вздохнул. – То, что произошло, – моя вина.

Я, конечно, поняла, что он имел в виду, но не могла удержаться и смолчать, потому хмыкнула:

– То есть вы признаетесь в убийстве?

Вадим Романович невесело ухмыльнулся:

– Сарказм я оценил, Татьяна Александровна, но, согласитесь, преступление произошло по моему недосмотру. Я не

смог проконтролировать...

Но я его перебила:

– Вина за преступление лежит на преступнике, а не на вас. Поэтому вместо того, чтобы посыпать сейчас голову пеплом, лучше помогите мне понять, кому была выгодна смерть Комарова? Кто мог желать избавиться от него?

– Если бы я только знал, Татьяна Александровна...

– Давайте без отчества, – предложила я, снова перебив.

– Как скажете, Татьяна. – Показалось или Белых все-таки слегка улыбнулся? Вот уж до чего скупой на эмоции человек!

– Вы общаетесь с кем-нибудь близко тут? Приятельствуете?

– Нет, – отрицательно качнул головой мужчина. – Я выполняю свою работу и ранее думал, что выполняю ее хорошо. Дружеских отношений ни с кем как-то не сложилось.

– Почему? – искренне удивилась я, ведь Вадим Романович производил впечатление неглупого человека, с острым юмором, интересного.

– Я сам не стремлюсь к сближению, если честно. Когда ты привязан к кому-то, становится тяжело объективно оценивать его поведение и поступки.

– Где-то я слышала, что человек, отягощенный привязанностями, становится уязвимым, как ёжик без иголок, – понятливо кивнула я.

– Хорошая фраза, я запомню, – снова выдал намек на улыбку Белых. – Итак, о вчерашнем вечере, – вернулся он к

теме нашего разговора. — О чем именно вам рассказать?

— Для начала скажите, как именно вы нашли тело?

— Я просто пошел по линии света прожектора, рассудив, что далеко в лесополосу в незнакомом месте человек в темноте не сунется, но и на свету отливает, простите, — он покоился на меня, — не станет.

— Логично. — Я кивнула, принимая его измышления.

— Стараюсь. — В светло-серых, почти прозрачных глазах мелькнула насмешка. — В общем, я не ошибся. Сначала я светил примерно на уровне собственного роста, но ничего, то есть совершенно ничего, кроме растительности, не увидел. Затем еще раз прошелся тем же путем, в этот раз уже направлял свет по земле. И когда заметил виднеющиеся в зарослях кустов ноги, сначала подумал, что Комаров просто упал и уснул. Понимаете, — Белых поморщился, — на банкете никто никого не ограничивал в количестве рюмок с горячительным. Многие были, хм... хороши. Поэтому я сперва не придал никакого значения увиденному.

— Как я понимаю, очень скоро вы убедились в обратном? — Заметив, что Вадим Романович замедлил рассказ, словно снова погружаясь в воспоминания и коря себя за то, в чем не был виноват, я слегка его поторопила.

— Да, я заглянул за те кусты, подсвечивая фонариком, и в первое мгновение даже не поверил собственным глазам. Неприятное было зрелище, доложу вам. Вы когда-нибудь видели задушенных, Татьяна?

– Речь сейчас не обо мне, – не стала ни подтверждать, ни опровергать его интерес я и добавила: – Но прекрасно понимаю ваше замешательство. Картина, должно быть, оказалась впечатляющей.

– Не то слово! – Белых рвано выдохнул. – Его глаза были так выпучены, что я где-то на периферии сознания даже слегка удивился, что они оставались в орбитах. И пальцы, скрюченные в судороге. И отекавшее лицо. Да еще и расстегнутые штаны. Видимо, Комаров действительно отходил, чтобы отлить, простите. И его галстук, обернутый вокруг шеи, и странгуляционная борозда, виднеющаяся из-под галстука. Я все это увидел, но осознал чуть позже, уже по пути обратно на теплоход.

Белых говорил, а я смотрела на него и думала, что обычный обыватель вряд ли выхватил бы скорым взглядом все эти детали. Да и вообще вряд ли знал бы, на что стоит обращать внимание. А вот Белых...

– Где вы служили, Вадим Романович?

– Что? – На мгновение мужчина бестактно нахмурился, выдернутый из собственных воспоминаний.

– Вы ведь совершенно определенно где-то служили, – более развернуто ответила я на застывший в светлых глазах вопрос и пояснила: – Среднестатистического клерка на такую должность, как ваша, не возьмут. По знакомству? Не думаю. Насколько я поняла, Анатолий Борисович души не чает в своей компании и ее коллективе, а потому к выбору того, кто

радеет за ее безопасность, он подошел со всей ответственностью.

– Вы правы во многом, Татьяна, но ошиблись в одном. – По тонким губам Вадима Романовича скользнула тень улыбки. – На эту должность я действительно попал по знакомству, как вы изволили выразиться. Однако лишь потому, что мы с Гариным давно знакомы и он прекрасно знал, на что я, в общем-то, гожусь.

Я кивнула, принимая такой ответ, и все-таки уточнила:

– В милиции? В войсках?

– А вы не отступаете, – казалось, развеселился Белых, хотя по выражению лица едва ли это можно было понять.

– А вы не отвечаете! – в ответ нарочито беспечно отозвалась я, давая понять, однако, что я не отступлюсь от вопроса, ответ на который очень уж меня заинтересовал.

– Служил, Татьяна, вы не ошиблись, – смирился с неизбежным Белых. – Сначала в армии, потом в военизированной охране на одном закрытом предприятии. Информацию о заводе, к сожалению, предоставить вам не могу, – добавил он, предвосхищая мой возможный вопрос. – Да это и не имеет значения.

Я снова кивнула и задумалась. Если принимать во внимание военную подготовку Вадима Романовича, то он вполне мог совершить это убийство. Только зачем? Их сферы деятельности в фирме никак не пересекались, а за пределами офиса, если верить Белых, они не соприкасались никоим об-

разом. Или же в данном случае старое доброе первое правило любого расследования «Ищи, кому выгодно» не работало. Но как такое может быть?

Коротко тряхнув головой, ненадолго отгоняя эти размышления, я спросила:

– Как вы сами думаете, кто мог бы быть настолько силен физически, что мог бы задушить довольно-таки нехрупкого мужчину?

– Как я уже сказал, Татьяна, Сергей Васильевич Комаров ни в чем себя не ограничивал вчерашним вечером. И в алкоболе в том числе. Вполне вероятно, что справиться с настолько пьяным мужчиной смогла бы и слабая женщина. Само собой, я не могу это утверждать наверняка, но в данном вопросе, боюсь, не могу вас навести хоть на сколько-нибудь дельную мысль. Анатолий Борисович считает весь коллектив чуть ли не семьей, и представить, что кто-то мог быть настолько озлобленным на своего коллегу, довольно сложно.

– Согласна. – Я задумчиво прикусила губу, понимая, что и у Вадима Романовича было туговато с выбором подозреваемых. – А что вы можете сказать об отношениях внутри коллектива?

– Знаете, Татьяна, – Белых едва заметно улыбнулся, – об этом вам лучше всего расскажет наш менеджер по подбору кадров Нелли Юрьевна. Она, кажется, знает все обо всех.

– Спасибо! – В отличие от Вадима Романовича я на улыбку не поскупилась. – Я схожу к ней сразу же после обеда.

Белых молча кивнул на прощание и снова развернулся к широкому окну, складывая руки за спиной, давая понять тем самым, что разговор можно считать законченным.

Выйдя из дверей офиса на крыльцо, я тут же достала телефон и набрала знакомый номер.

– Киря, помоги! – воскликнула сразу, как только услышала голос в трубке.

– Что нужно? – Друг был предельно лаконичен.

– Информация о человеке. Всё, что получится найти. – Я тоже не горела желанием разбрасываться словами.

– Что мне за это будет? – явственно услышала я хитринку в голосе Кирьянова.

– А что ты за это хочешь? – насмешливо фыркнула в ответ.

– Обед. В кафешке, адрес которой я скину тебе в сообщении сразу после того, как, также в сообщении, получу твои данные. Вернее, того человека, о котором ты узнать хотела. Я в тот район как раз по делам отправляюсь.

– Договорились!

Получив сообщение с адресом, куда мне предстояло отправиться, мысленно я прикинула маршрут. По пути нужно было заехать на заправку, поскольку, если мне не изменяет память, моя машинка уже проголодалась.

Удивительно, но на заправке, которая так замечательно располагалась прямо на пути следования к месту встречи с подполковником Кирьяновым, была очередь. Да, все-

го несколько машин, но тем не менее это было непривычно. Работала всего одна колонка. Машины двигались медленно. Нежаркое августовское солнце слепило глаза, вынуждая надеть солнцезащитные очки.

Я было погрузилась в раздумья, мысленно прикидывая план последующих действий, который, впрочем, во многом зависел от того, что на обеде расскажет мне Киря, как вдруг...

Впереди едущая машина внезапно встала как вкопанная и нырнула мордой куда-то вниз. Причем так резко, что я даже вздрогнула и порадовалась, что не успела начать движение. Со стороны водителя выпорхнула тоненькая девушка и, обойдя машину, присела рядом с передним колесом. Расстояние между нашими машинами было небольшим, что совершенно не давало мне возможности для маневра. К тому же поток автомобилей к работающей колонке не останавливался, плавно огибая нас по дуге.

Мысленно пожав плечами, я приготовилась подождать, пока что-то как-нибудь не разрешится, как вдруг девушка из пострадавшего автомобиля резко отшатнулась и совершенно неизящно шлепнулась на обтянутый брендовой юбкой зад. Ее губы сложились в удивленную букву «О», широко раскрытые глаза быстро заморгали, и я все-таки решила также выйти, справедливо рассудив, что чем быстрее найти выход из данной ситуации, тем скорее я смогу продолжить заниматься собственными делами.

Я остановилась рядом с девушкой, обвела взглядом валяющиеся на асфальте рядом с открытым люком разводной ключ, несколько гаечных ключей, моток троса, еще какие-то неопознанные инструменты и недоуменно посмотрела на девушку. Не поняла, от чего она шарахнулась, как черт от ладана. Но, опустившись на корточки возле нее и проследив, куда она смотрела, сама чуть не потеряла равновесие. Из-под колеса, провалившегося в люк, на нас смотрели глаза. Вполне живые человеческие вытаращенные глаза, только, кажется, очень злые. Откровенно говоря, я бы тоже злилась, если бы меня сверху машиной прихлопнуло.

– Эй, отомри, коза, – резко обратился обладатель злых глаз к владелице вышеупомянутого транспортного средства. – Откатывай в сторону свою колымагу!

– Но как? – едва выдавила из себя девушка.

– Да хоть на руках относи, меня не волнует! – огрызнулся сидящий в люке мужчина.

Девушка только глазами хлопала, время от времени пытаюсь что-то сказать, но не могла вставить и слова в гневную тираду невольного узника.

А тот распалялся все больше и больше.

– Права купила, ездить не купила? – выдал он почти классическое. – Или там, где ты машину зарабатывала, не водить учили, а чему-то другому? Какого хрена ты на дороге не смотришь, курица слепая?

Я уже собиралась вмешаться, но вот тут девушка отмерла:

– А какого хрена при проведении работ никаких предупреждающих знаков не стоит? Или открытый люк лентой оградить ума не хватило? А может, тебе треугольник подарить? Он красивый, красненький. И насчет курицы...

И тут она выдала такую тираду, что я покраснела, а портовые грузчики, услышь они этот дивный набор слов, с большой долей вероятности всем коллективом запили бы с горя от ощущения собственной несостоятельности.

– Так что, – закончила свою прочувствованную речь автолюбительница, – есть что сказать по делу – предлагай. Нечего предложить – прихлопнись и не отсвечивай.

Тот что-то проворчал, кажется, не вполне цензурное, но, видимо, тоже был шокирован и порядком выбит из колеи, а потому открыто возникать не стал.

В наступившей паузе я решила подать голос:

– А если поднять машину домкратом, а потом подсунуть под колесо крышку люка?

Девушка смерила меня оценивающим взглядом, немного пораскинула мозгами и согласно кивнула:

– Можно попробовать, а уж если не выйдет, вызову техпомощь.

Если не вдаваться в подробности, то моя идея оказалась удачной. Правда, трудиться пришлось нам обоим в четыре руки. Но не могла же я бросить в такой ситуации подругу-автовладелицу.

Уже выезжая с заправки, убедившись, что к назначенному

Кирияновым времени вполне успеваю, я фыркнула от смеха, вспоминая ошалевший взгляд невольного узника люка.

Эх, даже жаль, что не додумалась включить диктофон, ведь такие речевые обороты не могли оставить меня равнодушной.

Все еще посмеиваясь, я припарковалась возле кафе, где Кириянов назначил мне встречу.

Хорошее кафе, уютное. Хотя вряд ли Кирия подбирал место встречи по соображениям уюта, скорее всего, оно просто было ближе всего остального. А вот мне здесь понравилось. И занавески спокойного кофейного цвета, и скатерти на пару тонов светлее, и вазочки с небольшими букетиками на каждом столе. Интересно было рассматривать и картины на стенах. Конечно, не репродукции маститых художников. Я бы подумала, что рисовал кто-то из своих, может быть, знакомых, но явно не обделенный талантом.

В общем, атмосфера была самая располагающая к душевному разговору, осталось только дожидаться Кирию, который запаздывал. Хотя нет, я взглянула на экран мобильного, это я приехала раньше.

За окном очень удачно располагалась парковка. Я пялилась на подъезжающие машины и перебирала в памяти листы с маленькими фотографиями и краткой информацией обо всех фигурантах дела.

Интересно, раскопала ли что-нибудь к этому времени полиция? Нужно будет спросить у Вадима Романовича.

Почему-то мне казалось, что именно Белых будет держать руку на пульсе. Тут же остановила себя. Я ведь уже решила, что вначале выслушаю, что раскопал Кирьянов. Но все же чувствовала, что могу доверять этому прямому, малоэмоциональному мужчине.

Хороший я все же выбрала столик. С моего места было прекрасно видно то место, куда припарковался Кирьянов и он сам, вышедший из машины. Даже сквозь стекло было заметно, что тот пребывает в добродушном настроении.

Я уже предвкушала, как поделюсь с другом приключением на заправке, когда тот вихрем ворвался в кафешку, уже заранее улыбаясь.

– Чему радуешься? – поинтересовалась я.

– Сегодняшний день удивительно богат на чудачков, – фыркнул Кирьянов. – Мне сразу с двумя посчастливилось встретиться уже до обеда.

– Расскажешь? – Я предвкушающе подобралась.

Друг насмешливо угукнул, но предупредил, что сначала желает заказать обед. Подозвал официантку, потыкал пальцем в меню и, ожидая заказ, уставился на меня:

– Ты-то почему ничего не заказываешь?

– Не хочется пока, думы разные головушку буйную одолевают, – отшутилась я. – Кофе лучше себе возьму. Так что там у тебя с твоими чудачками?

– Ну слушай! – Киря снова расфыркался. – Приехал я за консультацией по одному очень важному делу к одному

очень важному человеку. Сидим мы у него в кабинете, дела обсуждаем. Тут звонит его мобильник, жена на проводе. Важный человек берет трубку, меняет строгую интонацию на мурлыкающую и урчит дражайшей половине, что и к ужину он успеет, и ничуть не задержится, и хлеба купит, и так далее. В этот самый момент в кабинет, предварительно коротко стукнув в двери, входит гораздо менее важный человек. Слегка вжав голову в плечи, пытается всучить своему начальнику стопочку документов на подпись. Тот роняет взгляд на документы, видимо, находит их достаточно важными и говорит в трубку так ласково-ласково:

– Подожди, зайка!

Владимир хрюкнул от смеха, глубоко вдохнул и продолжил:

– Не знаю, что уж там жена ответила, а вот этот кадр у двери скромно глазки в пол опустил и отвечает:

– А... Да... Хорошо.

Кириянов расхохотался так заразительно, что и я не удержалась от смеха, только лишь представив выражение лица этого самого важного человека.

– Такие вот бывают недоразумения, – все еще посмеиваясь, проговорил друг, глядя, как я промакиваю салфеткой уголки глаз от слез, выступивших от смеха. – А хочешь, расскажу про случайность?

Я кивнула, и Кирия философски заметил:

– Ты ведь прекрасно знаешь, как одна малюсенькая слу-

чайность может завалить все дело. Или же наоборот, помочь распутать самый запутанный клубок. Так вот. В одном районе начали угонять машины. Причем иномарки не трогали, брали, что попроще. В основном, конечно, пользовались спросом «Жигули», «Нивы» и прочие «ВАЗы». Следствие предполагало, что автомобильные номера свинчивались, номера на двигателях перебивались, а сами машины разбирались на запчасти, а затем так, по запчастям, и распродавались. Иначе как можно было объяснить полное отсутствие каких-либо следов? Это была присказка, а вот тебе и сказочка.

Висеть бы этому делу об угонах долго и нудно, если бы не случилось внезапно некое плановое мероприятие под незатейливым названием «Меры борьбы с административными правонарушениями». Несколько человек, которые и должны были активно изображать борьбу с нарушителями, решили по-тихому удрать и устроить себе внеплановый выходной. Да и то верно – мало ли где именно в районе они проводят душевнеспасительные беседы с явными нарушителями.

Собрались, значит, пацаны, закупились закуской да выпивкой и рванули за город, чтобы спокойно посидеть в лесочке, пива попить, сосиски на костре пожарить. Пикник, конечно, удался, вот одному и приспичило со временем отойти по естественной надобности в кустики. Он уже практически сделал свое дело, как вдруг вроде послышалось что-то. Потом он и сам не мог сказать точно, что именно услы-

шал. Говорил: то ли приглушенные голоса, то ли шум двигателя, хотя, если честно, я не знаю, как можно было их перепутать. Пошел он на звук, выглянул из-за кустов осторожно и обмер: на полянке двое молодых парней, приглушенно матерясь, скручивали номера с синей «восьмерки», которая нынешним утром прошла в ориентировках как свежеугнанная.

Вернулся наш доблестный парень в круг друзей, рассказал обо всем, и взяли они угонщиков с такой доказательной базой, что не подкопаешься. А то, что пахло от парней пивом да костром, так это ерунда, мелочи.

– Ребят же не наказали? – с коротким смешком уточнила я.

– Ну что ты! Они ж от такого жирного глухаря избавились! Причем, как мне сказал один знакомец, принимавший непосредственное участие в том пикнике, они действительно оказались правы: машины распродавались по деталям после разборки. Если бы не эта случайность... Впрочем, – перебил сам себя подполковник, – мне интересно, что у тебя случилось. И не отрицай! Я видел, как ты улыбалась, когда пришел!

– Ничего-то от тебя не скроешь!

Поделившись и своей историей, я еще немного поспорила с Кирьяновым о том, как лучше было бы вытаскивать машину из люка, и допила наконец свой кофе. Вкусный он здесь был, даже немного обидно, что за разговорами да байками

не заметила, как быстро он остыл.

– Так, теперь к делу. – Кирьянов подобрался, а взгляд его посерьезнел. – Этот твой Белых... Откуда ты его знаешь?

Я вкратце рассказала Владимиру о своем новом деле. Но вот о Вадиме Романовиче я говорила подробно, объяснив свой интерес и те выводы, что уже успела сделать.

Киря согласно кивал, а потом огорошил внезапным:

– А ты в курсе, что это не первый его удушенник?

– Что?! – Я чуть кофе не подавилась.

– А то. – Владимир хмыкнул. – С прошлого места работы твой драгоценный Белых вылетел, когда в его смену одного из подчиненных нашли повешенным.

Я не стала уточнять, почему это Белых – мой и когда он успел стать драгоценным, но вот остальное меня очень сильно заинтересовало.

– Поподробнее, пожалуйста, – попросила я, подзывая официантку, чтобы заказать еще кофе.

– Слишком подробно не получится, уж прости. – Кирьянов пожал плечами. – Белых – бывший военный. А военные даже о своих бывших сослуживцах слишком неохотно говорят. Особенно с нами. Как будто для них полиция что бельмо в глазу. Любое наше вмешательство они воспринимают чуть ли не как акт агрессии. Да и особо любопытных они не любят. И разбираться со своими внутренними делами предпочитают сами. Я и так обещал не разглашать источник, а также дал слово, что ходу этой информации дальше не будет.

– Не будет, – подтвердила я. – Я просто хочу для себя понять этого человека.

– Вряд ли тебе это, конечно, поможет, но слушай. Белых Вадим Романович после службы в армии остался в воинской части, затем на добровольных началах пошел воевать в Чечню. Оттуда по ранению его комиссовали. Белых не захотел отсиживаться на пенсии, уехал в небольшой городок. Не знаю, как назывался. – Подполковник махнул ладонью, на корню отсекая вопрос, который я и в самом деле намеревалась задать. – Мне не сказали, Тань.

Я поняливо кивнула и попросила:

– Продолжай.

– В этом городке находится предприятие... Если не вдаваться в подробности, что-то связанное с обороной. А на таком предприятии положена военизированная охрана. Контрольно-пропускные пункты, посты, обходы каждый час. Представляешь, о чем я говорю?

– Прекрасно представляю. – Я хмыкнула. – Говори дальше.

– Я не знаю подробностей, серьезно, – неловко пожал плечами Кириянов, по-видимому, сам раздосадованный тем, что у него не получилось разузнать подробнее. – Мне сказали лишь, что в то время, когда Белых был начальником караула, одного из его солдатиков нашли повешенным на дальнем посту. После внутреннего расследования Белых был уволен, как я понял, с настойчивыми рекомендациями на военную

службу больше не возвращаться.

– Кирь, а солдатик сам повесился или помогли? – задумчиво закусила я губу.

– Да кто ж его знает? – дернул бровью Владимир. – В такие подробности меня никто не посвятил.

– Обидно за Вадима Романовича, – произнесла я тихо и отхлебнула глоток остывшего кофе.

– На самом деле нет, – отрицательно покачал головой Кирьянов. – Белых еще легко, можно сказать, отделался. В подобных случаях могло грозить и судебное разбирательство, и тюремный срок.

– Но это же несправедливо! – воскликнула я.

– Справедливость штука вообще интересная, – философски проговорил мой визави, – и для каждого она своя, справедливость эта. Например, для родителей этого мальчишки, что странно погиб на работе. В чем для них справедливость заключается? Чтобы виновный был наказан, раз уж сына все равно не вернуть. Виновного нашли и наказали. И как я уже говорил, наказали не так строго, как могли бы. Ладно! – встряхнулся друг. – Теперь мне пора. Дела не ждут.

– Увидимся! – проговорила я в удаляющуюся спину Кирьянова, уже погружаясь в размышления.

Теперь я действительно гораздо лучше понимала, почему Вадим Романович настолько яростно винил себя. Второй раз тот, кого он должен был защитить, оказался мертв. Второй раз при схожих обстоятельствах, так или иначе, ответствен-

ным был сам Белых.

Но в этот раз я была намерена разобраться с этим делом. Несмотря на то, что я узнала, или же, наоборот, благодаря новой информации я чувствовала, что Белых не имел к убийству никакого отношения.

Отхлебнув уже порядком остывший кофе, я вспомнила нахмуренные брови Вадима Романовича. Наверное, он и сам хотел бы разобраться с этим несчастливym происшествием и найти преступника. Однако не стоило забывать, что искать ему пришлось бы среди тех, кто был ему знаком. Как бы ни пытался Белых абстрагироваться от коллектива, а все же у меня был взгляд и вовсе свежий и незамыленный, что позволил бы мне взглянуть на ситуацию совершенно непредвзято.

Я уже села в машину, когда подал голос мой мобильный. Взглянула на дисплей и не смогла сдержать усмешку: звонил Белых, номер которого я внесла в телефонную книжку буквально несколько минут назад, намереваясь позвонить и договориться о встрече.

– Слушаю вас, Вадим Романович. – Я постаралась ответить нарочито бесстрастно, но, судя по короткому хмыканью на той стороне мобильной связи, у меня это не слишком хорошо получилось.

Зато о голос моего собеседника можно было порезаться:

– Татьяна Александровна, до меня тут дошли слухи, что кто-то внезапно заинтересовался моим не очень завидным прошлым. Вы что-нибудь об этом знаете?

– Знаю, – покаялась я. – Именно по этому поводу мне и хотелось с вами поговорить.

– Что ж. – Последовала небольшая пауза, после которой голос Вадима Романовича на пару градусов, кажется, потеплел. – Вам удобно будет подъехать? Или встретимся на нейтральной территории?

– Я уже почти начала двигаться в направлении вашего офиса, – заверила я, чем заслужила насмешливое:

– Я вас дождусь.

Неспешно двигаясь по городу к офису «МедТех», я размышляла. Кем бы ни был тот человек, который сообщил Белых о нашем с подполковником Кирияновым интересе, сработал он удивительно быстро. Кажется, я не сильно погрешу против истины, если посмею предположить, что не слишком строгое наказание Вадима Романовича после произошедшего с подотчетным ему солдатом также могло оказаться заслугой этого же человека.

Покровитель? Сослуживец? Друг? Нужно спросить об этом у самого Вадима Романовича.

Белых уже ожидал меня на парковке перед офисом и вертел в пальцах незажженную сигарету. Нахмурившись, он уставился в одну точку, видимо, серьезные мысли его одолевали. Настолько серьезные, что и на мое появление он никак не отреагировал. Лишь когда я тихонько кашлянула, привлекая внимание, он перевел взгляд на меня, выбросил в стоящую рядом урну так и не прикуренную сигарету и неловко

проговорил:

– Бросил курить уже несколько лет назад, а привычка мять в пальцах сигарету, когда думаю, осталась.

– И о чем же вы думаете, Вадим Романович? – склонила я голову к плечу.

– Только что уехали представители нашей доблестной полиции. Разворошили весь офис своими расспросами так, что находиться там сейчас практически невозможно: все гудят словно в улье.

– А вы, как я понимаю, держите руку на пульсе?

– Именно. – Скупая улыбка походила на снисходительную, но это было неважно.

А о важном я уточнила:

– И как обстоят дела? Кто-нибудь уже признался?

– Нет, – пожал плечами Белых. – Вас ждали. – Я неопределенно хмыкнула, а он предложил: – Давайте поднимемся ко мне в кабинет. Кажется, нам есть что обсудить.

Я согласно кивнула, поневоле перенимая сдержанную манеру общения Вадима Романовича.

В холле Белых ненадолго задержался, подойдя к кофейному автомату, чтобы взять стаканчик горячего напитка. Предложил и мне, но я предпочла отказаться, ибо во мне с начала дня кофе и так плескалось предостаточно.

В отличие от нашей недавней прогулки по офису с Анатолием Борисовичем к Белых в коридорах никто не подходил, наоборот, казалось, что все присутствующие намеренно об-

ходили его по широкой дуге, так что весь путь до его кабинета мы проделали без препятствий и неожиданных остановок. Действительно, не похоже, чтобы он с кем-то здесь был дружен.

Вадим Романович поставил стаканчик с кофе рядом с открытым ноутбуком, кивнул в сторону стола, предлагая мне сесть, и сам уселся в крутящееся кресло.

– Продолжая наш телефонный разговор, Татьяна Александровна...

– Мы договаривались без отчества, – перебив, напомнила я.

– Хорошо, Татьяна без отчества, – покладисто кивнул Бельх. – Вы расскажете, что вас так заинтересовало в моем прошлом и какое отношение это прошлое имеет к настоящему?

Я уже пожалела, что так неосмотрительно отказалась от кофе, иначе у меня была бы возможность собраться с мыслями в то время, пока я делаю глоток. Но ладно уж, будем работать с тем, что есть.

– Какое отношение, я и сама пока не понимаю, – откровенно призналась я, выбрав прямую линию разговора. – Но знаете, Вадим Романович, порой то, что на первый взгляд кажется неважным, может иметь большое значение впоследствии. К тому же мне хотелось понять, почему вы так близко к сердцу приняли убийство человека, с которым, по вашим словам, вас не связывали приятельские отношения. Вы

не производите впечатления слишком впечатлительного человека, если честно. Так что? Расскажите?

– Я действительно не понимаю, зачем вам это нужно, но могу удовлетворить ваше любопытство, поскольку чутье подсказывает, что оно не праздное и вы на самом деле хотите помочь. Только о самом предприятии, как вы понимаете, я не скажу ни слова. Так что, Татьяна, с чего мне начать?

– Расскажите мне о том солдате, – попросила я, понаблюдав, как задумчиво прикусил губу Белых, подыскивая слова, и приготовилась слушать.

– Как вам уже известно, я служил на том предприятии начальником караула, – начал свой рассказ Вадим Романович. – В мои обязанности входило в том числе и распределение состава по постам. Был у нас там один пост, который никто не любил. Очень уж он был неприятным. Находился где-то посередине между цехами и складами с готовой продукцией. Пост – это было слишком громкое слово для деревянной постройки площадью в пару квадратных метров, однако он имел стратегически важное значение, поэтому откосить от дежурства там не получилось бы ни у кого. Итак, представьте себе эту старую постройку, окруженную не просто лесопосадкой, а самым настоящим лесом, в которой имелись стол, стул да электрический чайник. Не было даже пульта связи с дежурным постом.

– И что – совсем не было возможности ни с кем связаться? А если бы что-то случилось? – Я от души удивилась.

– Рация, Татьяна. У каждого заступавшего туда бойца имелась полностью заряженная рация. Да и мобильная сеть ловила. Конечно, телефоны на постах как бы запрещались, но в этом случае я сквозь пальцы смотрел на подобное нарушение.

Я кивнула, принимая ответ, а Белых тем временем продолжил:

– Над этой невзрачной постройкой светил единственный в округе фонарь. Висели также две камеры видеонаблюдения, однако одна не работала с незапамятных времен, а у второй, направленной на подъездную дорогу, была слишком большая слепая зона. Представляете себе этот пост? – Вадим Романович вопросительно дернул бровью.

Даже при скупом описании я настолько живо нарисовала в воображении эту картину, что от мрачной атмосферы и сама передернула плечами.

– Вижу, представили, – удовлетворенно проговорил внимательно наблюдавший за мной мужчина. – Тогда я продолжу. Чаще всего дежурство на этом посту назначалось в качестве наказания за провинности, нарушения, в основном за мелкие, никто у нас серьезно не косячил. Рядовой Батюшков в тот раз действительно накосячил – затеял спор со старшим по званию, не удержался и дал тому в морду лица. И если по справедливости, был прав, но внеочередное дежурство на дальнем посту все же схлопотал. Надо уточнить, Татьяна, что менялись посты каждые четыре часа, так уж было

изначально заведено. Вот и в этот раз Батюшков, заступив на дежурство в полночь, в четыре утра должен был вызвать по рации дежурный пульта и отчитаться о происшествиях или об их отсутствии за время его дежурства. Но в положенное время он молчал. Когда его самого попытались вызвать по рации, он не ответил. Телефон не отвечал также. Вызвали меня, и вместе с рядовым, который должен был менять Батюшкова, мы отправились на дальний пост.

Я уже догадывалась, что услышу дальше, а Белых, сделав глоток кофе, обхватив ладонями стаканчик, словно таким образом ему было проще держать себя в руках, продолжил свой рассказ:

– Батюшкова мы нашли внутри постройки. Он сидел на полу, неловко завалившись на бок, а на его шею была наброшена неумело сделанная петля из разорванного на полосы полотенца. Сначала мы подумали, что возможность ему помочь была, но как только я тронул его холодную руку, понял, что никакие реанимационные действия его не вернут. Дальше все завертелось как в колесе: внутреннее служебное расследование, комитет солдатских матерей, обвинявших нас в общем, а меня в частности в потворстве дедовщине. И не удалось доказать, что охрана – это не армия, что зубными щетками никто и никого не заставляет туалеты чистить, или что там еще делают. Отсмотрели видео с единственной камеры и не обнаружили ни единого признака чужого присутствия на посту.

Белых сокрушенно покачал головой, а я не могла не спросить:

– Так что же это было, Вадим Романович? Самоубийство?

– Следствие пришло именно к такому выводу, – процедил мужчина.

– А вы не согласны?

– Тут нужно было знать Батюшкова, Татьяна. Улыбчивый, задорный, хулиганистый парень с легким характером. Хотя и задира, но задира справедливый. Такие не вешаются. Такие радуются жизни даже в те моменты, когда, казалось бы, нечему радоваться. Я не верил в его желание самостоятельно уйти из жизни, я настаивал на этом. Даже несмотря на то, что мне самому в то время приходилось тяжело. Была затеяна служебная проверка. Нашлись какие-то мои грехи, о которых я и сам не знал. Мне настоятельно рекомендовали не лезть в это дело. А потом один мой друг, имени которого я, пожалуй, называть не стану, посоветовал мне уйти со службы. Если бы я продолжал вмешиваться в расследование, меня и закрыть могли, понимаете?

Я кивнула, а Белых, нахмурившись, уставился в стаканчик с недопитым кофе так пристально, словно на его дне надеялся разглядеть ответы на мучившие его вопросы. Он проговорил медленно, тщательно взвешивая каждое слово:

– Наверное, когда уволился, я поступил как трус, смалодушничал, не разобрался.

– У вас не было другого выхода, Вадим Романович, – всту-

пилась я. – Если отбросить эмоции, скажите, что вы могли бы сделать? Из-за решетки проблематично вести расследование, не так ли? Кто бы вам позволил разбираться, если и внутренняя служба безопасности, и военная прокуратура были против вас? Да, я понимаю ваше желание поступить по справедливости, и не считайте меня, пожалуйста, совсем уж черствой.

– Я и не считаю. – Белых встряхнул головой, словно отгоняя ненужные мысли, и, прищурившись, взглянул на меня: – Ну как, Татьяна? Помог вам в вашем расследовании мой рассказ?

– Очень. – Я улыбнулась своему визави. – Теперь я совершенно точно уверена, что вы не убийца, а скорее защитник, и если на то будет ваше желание, мы вместе разберемся со смертью Комарова.

Под пристальным взглядом Вадима Романовича я достала из стопки листочков с данными сотрудников фирмы «Мед-Тех» лист с его фамилией, сложила его вдвое и подвинула в сторону Белых. Тот снова скупно дернул уголком губ и смахнул бумагу в верхний ящик стола.

– Ценю ваше доверие, Татьяна. С радостью с вами поработаю.

– Правда, гонораром поделиться не обещаю, – качнула я головой, а в ответ услышала все тот же насмешливый фырк:

– Постараюсь как-нибудь обойтись.

– А тот человек, который рассказал вам о моем внезапном

интересе... – вспомнила я вопрос, который хотела задать Вадиму Романовичу.

Он перебил.

– Это и есть тот самый друг, который помог мне в той истории избежать более серьезных последствий, – согласно кивнул Белых. – Но, уверяю, его имя вам ни о чем не скажет, а в нынешнее расследование вмешивать его и вовсе не стоит.

Я, ничуть не сомневаясь, признала его правоту, и мы приступили к работе.

Еще дважды этим вечером мы спускались на первый этаж к кофейному автомату. Расположив листы с именами всех участников корпоратива на столе именно в том порядке, как и сами участники располагались на банкете, я подняла взгляд на Белых:

– Все правильно, Вадим Романович?

Тот пристально пригляделся:

– Насколько я помню, именно так все сначала и сидели. А уже потом, по мере того как вечер набирал обороты, никто не мог усидеть на месте. Народ постоянно передвигался. Мужчины собирались в кучки, обсуждали последний футбольный матч, рыбалку, тещу, травили анекдоты. Некоторые я даже запомнил, но, – он предупреждающе взглянул на меня, – повторять их вам я не буду.

– Бережете мою нежную психику? – Короткий смешок сорвался с губ. – Правильно, берегите. Может, я вам еще пригожусь. А дамы тоже травили анекдоты?

– К ним я не слишком прислушивался, если честно. Возможно, они также обсуждали свои женские проблемы и дела или же просто сплетничали, но при моем приближении голоса опускались до шепота. А подслушивать мне показалось крайне неловким. Если интересно, Татьяна, то вам действительно стоило бы пообщаться с нашей Нелличкой.

Белых уже второй раз упоминал эту женщину, и я, конечно же, не могла не обратить на это внимание.

– А ваша Нелличка и правда настолько осведомлена? – заинтересованно уточнила я у Вадима Романовича.

– Если что-то происходит здесь, в офисе, то Нелли Юрьевна обязательно бывает в курсе дела, – хмыкнул Белых. – Иногда мне кажется, что именно ей стоило бы быть начальником службы безопасности, а не менеджером по подбору персонала. Во всяком случае, начинать знакомиться с сотрудниками стоит именно с Неллички.

Я поблагодарила за нужный совет и только теперь обратила внимание, что за окном вовсю сгущались сумерки, накрывая город плотным покрывалом.

Я засобиравлась домой, и Вадим Романович вызвался провести меня до парковки. По пути к лестнице он кивнул на ничем не примечательную дверь в конце коридора:

– Здесь и располагается Нелличкино убежище. Кстати, если захотите расположить ее к себе, не отказывайтесь от выпечки. Она сама печет и делает это так, что пальчики оближешь. Так что лучше перед приходом к ней не завтракать,

иначе закормит до одури.

Белых как-то скрытно вздохнул, а я поняла, что даже если он и не приятельствует с сотрудниками, то к самой Нелли Юрьевне явно испытывает теплые чувства.

Уже на ресепшене Вадим Романович спросил, к какому времени я намереваюсь появиться в офисе.

Я призадумалась, прикидывая, сколько у меня уйдет на сборы и дорогу, а он, видимо, оценив мелькнувшую на моем лице работу мысли, махнул рукой:

– Можете не торопиться. Я распоряжусь, как только сам приеду, чтобы на ваше имя выписали временный пропуск. – Он немного помялся и кивнул напоследок: – Доброй ночи, Татьяна.

Глава 3

Вадим Романович сдержал слово. Когда я приехала в офис, из-за стойки ресепшена мне навстречу вышла стройная девушка, Марина, вспомнила я, как называл ее Анатолий Борисович.

Она улыбалась мне так широко и ярко, что можно было решить, что я самая желанная гостья в этом здании.

– Доброе утро, Татьяна Александровна, – проговорила она, не теряя и доли улыбки. – Вадим Романович распорядился, чтобы вам выдали временный пропуск.

Она протянула мне заламинированную карту с моей фотографией.

Я повертела ее в пальцах и про себя хмыкнула: уж фотографий своих я точно не предоставляла.

– Скажите, Марина, – решила воспользоваться я подвернувшейся возможностью, пока милая девушка, казалось, была относительно свободна, – вы давно работаете в «Мед-Тех»?

– Да, – согласилась она. – С самого открытия. Анечка... Вы, наверное, слышали о ней?

Я кивнула:

– Более того, мы даже успели познакомиться.

Марина продолжила:

– Мы с Аней дружим давным-давно. Как только Анатолий

Борисович дал ей шанс проявить себя в качестве личной помощницы, Анечка попросила и меня устроить куда-нибудь в его фирму. После института было довольно сложно найти работу, все работодатели мечтают об опытных сотрудниках, а где нам, молодым выпускникам, набраться этого самого опыта, в институте не учат. Так что для меня эта работа стала настоящим подарком судьбы, даже если это слегка пафосно звучит. — Девушка мелодично рассмеялась.

— И, конечно же, вы знаете всех сотрудников фирмы, — проговорила я утвердительно.

— Конечно, — опять согласилась Марина. — У нас здесь текучки кадров практически нет. Впрочем, об этом вы наверняка слышаны. С Анатолием Борисовичем легко и приятно работать. Он очень добрый, хотя и строгим бывает, если того требует ситуация. Кажется, он относится к нам как к своей семье.

— Об этом я тоже слышала. — Я задумчиво прикусила губу. — А как относились ваши коллеги к Комарову?

— Вот об этом мне вам нечего рассказать. — Взгляд Марины стал слегка виноватым, словно ей и правда было неловко. — Я ведь не вращаюсь в одних кругах с начальством. А он хоть и относительно недавно получил повышение, а все же пересекались мы только здесь, на ресепшене, когда он проходил через турникет.

— Но про повышение вы знаете? — уточнила я.

— Конечно! — На этот раз улыбка Марины была даже

немного снисходительной. — Я ведь занималась оформлением и выдачей нового пропуска для Сергея Васильевича. Старый не соответствовал занимаемой должности. Про каждого из нас вам сможет рассказать только Нелли Юрьевна, она-то уж точно знает все.

Марина отступила за свою стойку и преувеличенно внимательно принялась разбирать пришедшую корреспонденцию.

Я намеков поняла и, решив не отвлекать больше Марину от работы, прошла на второй этаж, туда, где располагалась неприметная дверь в волшебный кабинет, где хранились все секреты фирмы «МедТех».

Коротко стукнув в дверь с табличкой «Воронина Нелли Юрьевна», я услышала звонкий голос:

— Входите-входите, Танечка!

Если я и удивилась, то никак не успела этого осознать, ибо с самого порога меня подхватила и увлекла за собой волна неумемной энергии хозяйки кабинета. Я успела лишь спросить:

— Как вы узнали, что это я, Нелли Юрьевна?

Невысокая женщина лет сорока с обаятельными ямочками на щеках тут же быстро-быстро заговорила:

— Мне Мариночка снизу позвонила, сказала, что вы должны заглянуть. Ничего, что я вот так, без отчества, по-свойски к вам обратилась? И прошу вас, не нужно называть меня так официально. Зовите Нелличкой, безо всяких церемо-

ний! Я привыкла, что все и дома, и на работе зовут меня только так. Позвольте, я предложу вам чаю, Танечка! О, поверьте, лучшего чаю вы и в жизни своей не пробовали! Я сама делаю сбор, травы, ягоды. Очень люблю, знаете ли, летом прогуляться по лесу, собрать травы. А если повезет набрести на малинник, то радости моей нет предела. Вам нравится утренний лес? Еще до зноя, в росе, такой свежий, молодой. Что-то я вас совсем заболтала! – внезапно прервала сама себя Нелличка, включила электрический чайник и захлопотала, доставая чашки, баночку с травяным сбором и небольшую коробочку рафинада.

Пользуясь временной паузой, я успела проговорить:

– Нелли... – и, поймав красноречивый взгляд женщины, тут же исправилась: – Нелличка, Вадим Романович посоветовал мне обратиться за информацией именно к вам. Сказал, что вы...

– Все про всех знаю, – со смешком перебила меня женщина. – Все так говорят. Но все обо всех знать попросту невозможно. – Она качнула головой, нисколько, впрочем, не сокрушаясь по этому поводу. – А Вадим Романович и сам много знает. Но такой тихоня. Я говорю-говорю, а он только молчит, серьезный. Вот, Танечка, попробуйте, я с утра испекла кексы с белым шоколадом.

Наученная Белых, да и, если уж по-честному, соблазненная умопомрачительным запахом ванили, я с удовольствием угостилась небольшим кексиком.

При первом же укусе почувствовала, как по языку разливается жидкая начинка. Белый шоколад, как и говорила Нелли. Но как? Я не встречала в продаже такого топинга.

На мой вопрос Нелличка, смущенно порозовев щеками от искренней похвалы, с готовностью ответила:

– На самом деле все очень просто. Раскладываете по формочкам тесто, и в каждую формочку опускаете по дольке шоколада, лучше, на мой вкус, пористого. Просто, правда?

Я сомневалась, что когда-нибудь решусь повторить этот подвиг, однако с готовностью согласилась.

Усаживаясь напротив и глядя на то, как я ем, с каким-то странным умилением, Нелли Юрьевна вновь заговорила:

– Вы о чем хотели спросить, Танечка?

– Нелличка, расскажите мне, пожалуйста, о тех людях, которые были с вами на теплоходе.

– С кого бы мне начать? – задумчиво покусала нижнюю губу Воронина.

– А давайте сразу с Комарова? – предложила я.

– Комаров, Комаров, – побарабанила пальцами по столу женщина. – Вы, верно, знаете, что свою должность он занимал не так уж долго. Заслужил, видимо. В «МедТех»-то он работал уже давно, казалось, никакими особыми талантами не отличался, идеями не блистал, а тут внезапно так взлетел. Ну хорошо, может, и не совсем в заоблачные дали, но у начальника производственного отдела всяко больше перспектив было, чем у обычного инженера.

Мелодичная трель мобильного телефона Нелли Юрьевны прервала размеренный рассказ. Та глянула на дисплей, коротко покосилась на меня и со словами:

– Простите, одну минуточку! – ответила на звонок.

Тут же ее тон изменился, стал более мягким, насмешливым:

– Я на работе, Аленка! Что случилось такого важного? – и после небольшой паузы продолжила: – А ты дурью не майся, не подсыпай им непроверенных удобрений. Проще всего воспользоваться яичной скорлупой. Ты же яйца ешь? Ешь! А скорлупки не выбрасывай, а помой от остатков яйца, измельчи, залей горячей водой и оставь на пару суток. А потом процеди и поливай! – Нелли снова недолго послушала собеседницу и энергично закивала, как будто та могла ее видеть: – Конечно, я уверена! Потом еще спасибо скажешь!

Нелли Юрьевна закончила разговор и объяснила:

– Подруга разводит комнатные цветы. Совсем недавно увлеклась. Вот, иногда делюсь опытом, – и тут же без перехода добавила: – Так на чем мы остановились? Ах да, Комаров. Вы знаете, Танечка, сказать мне про него особо и нечего, ничем он не выделялся. Если бы меня попросили описать его одним словом, я бы назвала его средним. Средняя внешность, средние способности, даже юмор и то средний. Он, кажется, старался со всеми дружить, уж не знаю, насколько у него это получалось, но особо теплых отношений ни с кем так и не завел.

Я слушала Нелли Юрьевну, мысленно делая пометки в памяти, и не перебивала.

Но зато Воронину опять перебил телефонный звонок. Взяв смартфон в руки, коротко пояснила мне:

– Сын, – и провела пальцем по дисплею. – Вадюша, что случилось? Да не рыдай ты заранее, давай вместе разберемся. Прочитай мне условие задачи. – Нелли помолчала, очевидно, вслушиваясь в голос ребенка. – Молодец. А теперь подумай, сколько воды было в одном ведре? Правильно. А в одной канистре? Опять верно. А если сосчитать все вместе? Вот так и записывай.

Отключившись, женщина слегка виновато посмотрела на меня:

– Простите, Танечка. Эта подготовка к школе способна свести с ума кого угодно. С языками у сына особых проблем нет, но вот математика не дается – хоть плачь. Поэтому летом решили позаниматься дополнительно. Хотя эта наука, кажется, у нас обоих вызывает настоящий ужас.

– А в каком классе ваш сын? – спросила я с интересом.

– В третий пойдет. А старшая дочка, Маша, – уже выпускаться в этом году будет! – В голосе Неллички явственно зазвучала гордость. – Вот она у меня большая умница. С первого класса не тревожила меня домашними заданиями, внеклассными работами и прочими поделками. Все сама, все сама. И с Вадимом сейчас она занимается, так что репетитора нанимать не пришлось. Но и я стараюсь слишком сильно

ее не загружать, пусть с подружками погуляет да с парнем в кино прогуляется. Дело-то молодое. Вообще Вадим любит с ней заниматься, у Машеньки терпения, кажется, вагон и маленькая тележка, и там, где я бы уже психанула, а может, и накричала, она просто начинает объяснять по второму, а то и по третьему разу. Но Вадюшка молодец! – спешно проговорила Нелличка, словно защищая младшего сына. – Он старается изо всех сил, зубрит таблицу и вполне искренне пытается разобраться в дробях. Я думаю, Машу он боится огорчить гораздо сильнее, чем меня.

Нелли Юрьевна мягко рассмеялась. А я вдруг поняла, что о детях женщина говорит много и с удовольствием, зато вот мужа не упомянула ни разу даже словом, и не удержалась от вопроса:

– Вы замужем, Нелличка?

Та усмехнулась:

– Была когда-то. Честно говоря, особого впечатления на меня это событие не произвело. До брака мы долго встречались, но потом я поймала ненаглядного на измене. Такой, знаете, ничем не прикрытой, как в каком-то пошлом дамском романчике. Я застукала его с моей лучшей подругой на моей же кухне. – Женщина пренебрежительно фыркнула. – Вы спросите, как я все-таки оказалась замужем за таким подлецом? Ему все-таки удалось выпросить у меня дать ему «последний шанс». И во время этого «шанса» я забеременела. Уже потом, после свадьбы, я узнала, что мой драгоцен-

ный прокалывал презервативы, чтобы наверняка привязать меня к себе. Зачем? Этого я до сих пор не понимаю. Жили мы недолго, не очень дружно, совсем не богато. Но об этом браке я не жалею, потому что есть теперь у меня Машенька, радость моя. Мой тогда еще не бывший муж загулял, да так хорошо загулял, что любовница его забеременела. Он не придумал ничего лучшего, как прийти ко мне за советом. – Нелли невесело усмехнулась. – Спросил, мол, что теперь делать?

– Серьезно? – Я поразилась. – И у него хватило совести?

– Скорее ее отсутствия, – кивнула женщина. – В общем, мы развелись. И потом виделись всего однажды. И то случайно. Они с новоприобретенной женой прошли мимо нас с дочерью как мимо незнакомых людей. Да и бог бы с ними, если бы потом, спустя много лет, на меня не снизошло безумие и я не связалась с ним снова. Правда, в этот раз обошлось без брака, наверное, грабли, на которые я тогда прыгнула, зажмурился глаза от собственной глупости, все-таки дали трещину. Когда я забеременела Вадимкой, мой старый-новый ухажер объявил, что ему достаточно двоих детей в той семье, совершенно забыв о наличии Машеньки. Знаете, Танечка, в этот раз мне даже обидно не было. Гены у него хорошие, дети получаются красивые и здоровые. А романы меня уж точно больше не интересуют.

«Лукавит», – почему-то подумалось мне, а вслух я спросила:

– А Вадим Романович? О, получается, он тезка вашего сына!

– Тезка, да, – тепло улыбнулась Нелличка, засверкав обязательными ямочками на щеках, но тут же смущенно потупилась: – Вадим Романович... Мой бывший муж всегда говорил, что из-за моей болтовни жить со мной невозможно, мол, он мне слово, я ему в ответ все десять. А Вадим Романович же и вовсе неразговорчивый. Боюсь, заговорю его до смерти.

Улыбка Нелли слегка потускнела, а я, словно и не заметив этих перемен, словно глубоко задумавшись, проговорила:

– Надо же, а ведь он с таким удовольствием неоднократно вас вспоминал, а уж с каким восторгом отзывался о вашей выпечке!

Нелличка внезапно словно засияла изнутри и забормотала:

– Нужно завтра пирожков испечь. Вадим Романович любит с капусткой. Да. Или, может быть, лучше нажарить беляшей? – Она вопросительно посмотрела на меня, вовремя спрятавшую улыбку, и виновато пожала плечами: – Простите, Танечка. Я помню, мы сейчас о Комарове говорим. Конечно помню. Я тут подумала... Я назвала его средним, однако этот средний человек умудрился закрутить непродолжительный, но бурный роман с нашей рекламщицей, Настенькой Саломахиной. А она, между прочим, одна из самых милых девушек в «МедТех»! Хотя и скромная, кажется, даже слишком. С клиентами общается быстро, четко, по делу, в

работе промашек практически не бывает, насколько я знаю. Зато если затронуть личное, тут словно закрывается в раковину и не достать ее оттуда, как ни приманивай. А вот Сергей Васильевич чем-то приманил. Чем – не знаю, вам лучше спросить у самой Настеньки.

– Я обязательно поговорю с Анастасией! – уверила я, делая пометку в блокноте.

Нелли Юрьевна взглянула на наручные часы:

– Приближается время обеда. В это время Настенька покупает кофе в кофейне напротив офиса и пьет его на лавочке в парке. Всегда на одной и той же, под огромной ивой. Чтобы вам, Танечка, не спешить сейчас в кабинет да и поговорить, не торопясь, проще, наверное, застать ее там.

– Спасибо, Нелличка! – я с искренней благодарностью пожала аккуратную ухоженную ладошку и вышла из кабинета под дружелюбное:

– Заглядывайте в любое время, Танечка!

Я двигалась в заданном Нелли Юрьевой направлении и понимала, чувствовала, что и ее, Нелличку, можно смело вычеркивать из списка подозреваемых.

Удивительная женщина, прав был Белых. Несмотря на все жизненные неурядицы, она умудрилась сохранить свойственное ей дружелюбие, не обозлилась, не ополчилась на весь мир от незаслуженных обид. Наоборот, ее искреннее желание помочь всем и каждому очень подкупало.

Я понимала, что еще неоднократно вернусь к ней за ин-

формацией да и просто поболтать. И чего греха таить – попробовать еще что-нибудь, настолько же вкусное, как сегоднешние кексы.

Вот странно – Нелличка описывала Комарова как ничем не примечательного человека, однако даже такого невыдающегося, а его захотели убить. И не просто захотели, а сделали это. Значит, все-таки что-то из ряда вон он совершил. Теперь нужно понять за что.

Деньги? Не думаю, что даже начальник производственного отдела мог обладать несметными богатствами и даже заграничными счетами.

Зависть? Тоже вряд ли. На первый взгляд такую всепоглощающую зависть Комаров вызывать не мог.

Я снова вспомнила определение Ворониной. Средний. Было ли за что могли желать отомстить среднему человеку? В любом случае пока сбрасывать со счетов хоть какой-либо мотив точно не стоило.

В парке я практически сразу увидела большую иву, раскинувшую ветки прямо позади удобной скамейки с высокой выгнутой спинкой. Действительно, это было отличное место. Будь я на месте Насти Саломахиной, тоже любила бы пить здесь кофе. Кстати о кофе, жаль, что я не захватила с собой стаканчик, а сейчас было уже поздно бежать в кофейню – вот-вот должна была появиться та, кого я хотела увидеть.

И Настя на самом деле не заставила себя долго ждать.

Буквально через несколько минут в конце аллеи появилась стройная девушка, держащая в руке бумажный стаканчик с логотипом кофейни. Она целенаправленно двигалась к занятой мною лавочке, но, заметив меня, замедлила шаг в растерянности.

– Здравствуйте, Анастасия! – приветливо кивнула я ей.

Та замялась:

– Мы знакомы?

Я поднялась со скамейки и протянула ладонь для рукопожатия:

– Меня зовут Татьяна Александровна Иванова, я частный детектив, расследую убийство вашего коллеги по просьбе Анатолия Борисовича.

– Да, я слышала, что вы были у нас в офисе. Я могу вам чем-то помочь? – поинтересовалась девушка, вопросительно склонив голову к плечу.

– Расскажите мне, пожалуйста, все что знаете, – попросила я.

– Об убийстве? – Настя заметно содрогнулась.

– И о нем тоже, – согласилась я. – А также вообще обо всем, что придет в голову, касательно Сергея Васильевича.

– Что ж, – задумалась девушка, видимо, мысленно прикидывая, с чего начать рассказ. – Вы, наверное, уже знаете, что у нас было некое подобие романа?

– А почему подобие? Настоящим этот роман так и не стал?

– Он просто был каким-то странным, не таким, какими

обычно бывают романы, – ответила Настя, глядя на меня. – Может быть, я не слишком-то разбираюсь в романах, но все-таки подобного я еще не встречала ни в жизни, ни в рассказах подруг...

Анастасия заговорила, иногда замолкая, словно собираясь с мыслями, делая глоток кофе:

– Мне особо никогда с парнями не везло. В школе подружки встречались с мальчиками, а меня всегда стороной обходили. Вроде и не дурочка, и не уродина, а не везло, хоть плачь. Та же история и в университете продолжалась. И потом тоже. Мама уже нервничать начала, все твердила про часики, одиночество и сорок кошек к старости. А я что? Что я могла сделать? Это ж не я женихов отваживала, это они никак не приваживались. Вот я и не привыкла перебирать, так сказать, подарками судьбы. Сережа, – она покосилась на меня смущенно, – в смысле Сергей Васильевич мне сразу понравился. Вы же видели его фото?

Я подтвердила. Хотя, если честно, ничего особенного в человеке на фотографии не разглядела. Хорошо, черты его лица были правильными, но, на мой взгляд, чуть опущенные верхние веки и выдающийся вперед подбородок придавали лицу Комарова слегка высокомерный вид. Светлые белесые волосы тоже не делали его внешность ярче. Так что я не находила этого человека привлекательным, но, впрочем, я и не заводила с ним никаких романов.

– Мне он показался очень красивым, – тем временем про-

должала Настя. — К тому же поначалу уделял мне много внимания, улыбался, пару раз даже комплименты говорил. А я же мужским вниманием не была избалована. Вот и развесила уши, повелась на красивую внешность да пару ласковых слов.

Девушка невесело усмехнулась даже с какой-то самоиронией, когда я уточнила:

— И все же вы решились на отношения?

— О да, решилась, понеслась на первое свидание впереди собственного визга. Но как оказалось, не всегда первые свидания такие, какими их описывают в дамских книжонках. — Настя отставила в сторону опустевший стаканчик и тут же сцепила пальцы рук в крепкий замок, словно пытаюсь сдержать дрожь в пальцах. — Сережа назначил встречу в этом самом парке на этой самой лавочке. Предупреждая ваш возможный вопрос, заверяю вас, я люблю это место не поэтому. В детстве у меня было любимое место во дворе дома, где мы жили с родителями. Там тоже росла ива. Ветки ее доставали до земли, и я любила прятаться за этими ветками и читать, пока остальные ребята играли в тех же казаков-разбойников. Так что выбор места Сережей меня сразу покорило, я почти поверила в судьбу.

Девушка снова примолкла, видимо, вспоминая то самое первое свидание, а я подумала, что было вовсе не удивительно, что на Настю обращали мало внимания, если она предпочитала сторониться сверстников вместо того, чтобы быть

с ними наравне. Возможно, ей просто не хватало навыков в общении из-за слабой социальной адаптации.

– Я не очень представляла, каким должно быть первое свидание, – продолжила Анастасия, а я встряхнулась от своих мыслей. – Я опоздала на четыре минуты. Когда я приблизилась к месту встречи, Сережа уже был здесь. Он читал какую-то книгу и не замечал ничего вокруг. Он бы и меня не заметил, если бы я не кашлянула, привлекая внимание. Оторвался от книги, посмотрел на меня недовольно. Ну, по крайней мере, мне так показалось, судя по нахмуренным бровям. И не замедлил упрекнуть в опоздании. Я попыталась отшутиться, мол, что такое четыре минуты по сравнению с вечностью, на что он меня отчитал как неразумную девчонку. Он сказал, что за четыре минуты рождается столько-то детей, собирается столько-то автомобилей, производится столько-то высокотехнологических плат. А он сам может за четыре минуты выучить пару десятков новых английских слов. И вот он ждал меня тут вместо того, чтобы спокойно учить английский язык дома. О, Татьяна Александровна, вы только представьте, какой хаос я привнесла в Сережину жизнь своим опозданием! – Настя в нарочито драматичном жесте прижала руки к груди, а я не смогла удержаться от короткого смешка.

– Вы случайно потом не в библиотеку направились, чтобы время с пользой провести? – все еще улыбаясь, спросила я.

– Нет, хотя я бы не удивилась. – Настя заметно расслаби-

лась и откинулась на спинку лавочки. — Мы прогуливались вот здесь же, в этом парке. Потому что прогулки на свежем воздухе очень полезны для здоровья, а за здоровьем нужно следить пристально и постоянно. Поэтому мы ни в кафе не заходили, ни даже просто кофе не выпили — потому что общепит, конечно же, не имеет ничего общего со здоровым питанием. А насколько важно для Сережи здоровье, я уже упоминала. В общем, первое свидание больше напоминало свод полезных лекций. Говорил в основном Сережа, я было подумала, что совершенно его не заинтересовала, так как показалась скучной, но, оказывается, я все еще не упала в его глазах. На следующий день с самого утра он пришел ко мне в кабинет с довольно необычным предложением. Сережа собирался составить список вопросов, на которые я должна была ответить, чтобы потом сэкономить время на разговоры.

— Боже! — ахнула я. — И вы согласились?

— Согласилась, — кивнула Анастасия. — Если начистоту, к тому моменту я уже поняла, что ничего общего с ним у нас нет и быть не может, но то ли мне было интересно, куда все это приведет, то ли я действительно настолько истосковалась по вниманию, но на вопросы я согласилась ответить и подробно, и искренне.

— А что за вопросы были в этом списке? — не удержалась я от вопроса.

— Самые разные! — ответила Настя. — Начиная с того, как я отношусь к политике, и заканчивая возрастом моих родите-

лей. Отдельно выделены были вопросы о моей личной жизни: сколько у меня было мужчин, каким я обладаю темпераментом, как отношусь к изменам и так далее.

Я поразилась, но все же проговорила утвердительно:

– И вы ответили.

– Да, – ухмыльнулась Настя почти по-хулигански. – Написала, что папу моего зовут Сигизмунд Валерианович, что к изменам отношусь положительно и даже с некоторым восторгом, что у меня было пятьдесят четыре мужчины, что-то еще писала, такое же абсурдное. Но вишенкой на тортике стала строка: «Прочие сведения о себе». Вот там уж я написала совершенно честно, что терпеть не могу, когда мне задают глупые или неуместные вопросы.

– До Комарова дошло, как вы отнеслись на самом деле к этому странному анкетированию? – Я почему-то представила выражение искреннего негодования на этом высокомерном лице.

– Дошло, – согласилась Анастасия. – На следующий же день он позвонил, извинился за то, что, цитирую, «отнял у меня время», предложил рассказать о себе. И, не дав мне возможности возразить, тут же приступил к развернутому рассказу о своей жизни. Ничего особенного, кажется, в его жизни не происходило. Все как у всех: десять лет школы, пять лет института, брак на последнем курсе, семейная жизнь.

– То есть вы знали, что Комаров был женат? – Настя не

переставала меня удивлять.

Почему-то я была уверена, что девушка с ее характером не стала бы вмешиваться в налаженную жизнь и раскачивать семейную лодку, стремясь ее перевернуть.

– Знала, – кивнула Настя. – В свое оправдание могу сказать, что Сережа настаивал, что их брак с женой давным-давно стал чисто номинальным, а в то время они с женой и вообще находились на стадии обсуждения возможности развода. Из его рассказов о жене я поняла, что та, несмотря на то что была красавицей, не соответствовала представлениям Сережи о том, какой должна быть хорошая спутница жизни. Так что, как видите, о своем браке он тоже мне рассказал. Должна вам признаться, Татьяна, эти жизненные рассказы были очень нудными. Я вынесла из них основное: ни во время учебы, ни в работе, ни в семье никто не понимал Сережу и не поддерживал его устремлений. Он старался делать все как можно лучше и наиболее правильно, однако так и остался непризнанным жестоким обществом.

Я удивленно уставилась на девушку. Мне же показалось, что в ее речи явственно послышался сарказм. Но Настя спокойно пожала плечами, похоже, ничуть не раскисаясь:

– Если кратко, то этап со списком вопросов был интереснее. Как минимум это было не так занудно. Впрочем, это был не последний повод убедиться в том, насколько необыкновенный человек обратил на меня внимание. Даже странно, что у него крылья так и не выросли. Наверное, в святые

не принимают тех, кто собирается изменить жене да на халаву напивается на каждом корпоративе, даже несмотря на здоровое питание.

– Кстати, о корпоративе, – встрепенулась я, когда Настя сама затронула интересующую меня тему. – Расскажите, что вы помните из событий этого вечера?

Девушка помолчала, задумчиво покусывая нижнюю губу, вспоминая, и медленно, словно продвигаясь по этим своим воспоминаниям, проговорила:

– А знаете, Татьяна, особо и рассказывать-то нечего. Все время я провела в чисто девичьей компании с Нелличкой и Софьей Андреевной Вольской. Вольская – наш главный бухгалтер, – решила уточнить Настя. – В любом случае девочкам любого возраста всегда есть что обсудить. А уж Нелличка, вы, наверное, и сами понимаете, всегда и со всеми может найти общий язык. Мы и на пристань приехали втроем на такси от офиса, и все время до банкета втроем были. Стояли на палубе, любовались видами, фотографировались. Хотя нет, Софья Андреевна не фотографировалась, она, кажется, очень это не любит. Сережа пытался ко мне подойти пару раз, уже на берегу, хотел поговорить. Но к тому моменту мы уже дней десять как расстались, все окончательно выяснили, а потому я не видела смысла нам общаться. Теперь, если честно, жалею, – сокрушенно вздохнула девушка. – Возможно, если бы тогда мы поговорили, то помирились бы, были бы вместе весь вечер, сейчас Сережа был бы жив.

Анастасия замолчала, погрузившись в невеселые мысли.

Я осторожно взяла ее за руку:

– Не вините себя, Настя. Вы ничего не смогли бы изменить. Поймите, если кто-то вынашивал преступные планы по отношению к Сергею, вы бы его не остановили, а возможно, и сами могли пострадать. – И, стараясь отвлечь от печальных размышлений девушку, я спросила: – Вы сказали, что к тому моменту давно расстались. Расскажите?

– Расскажу, – тряхнула головой Настя. – Только давайте возьмем еще кофе.

– С удовольствием! – согласилась я с девушкой и направилась вслед за ней в сторону привлекательно зазывающей нас вывеской кофейни. – Ничего, если вы задержитесь с обеда? – не могла не уточнить я. – Если хотите, мы можем перейти в ваш кабинет.

– Ничего, – легкомысленно махнула рукой Настя. – Анатолий Борисович дал добро всем сотрудникам посвящать вам столько времени, сколько того потребуют обстоятельства. Мне в кабинете немного не по себе одной. Я ведь без секретаря работаю, площадь, предоставленная мне, размерами не отличается. Честно говоря, я бы с большим удовольствием сидела в общем кабинете с остальными сотрудниками, но часто так бывает, что я просто нуждаюсь в тишине, особенно если в тот момент веду переговоры, общаюсь с арендодателями рекламных мест, и так далее. Так-то я привыкла к уединению, даже начала периодически получать от

этого удовольствие. Но Сережин кабинет располагается как раз напротив моего. Так что пока я недостаточно хорошо себя там чувствую.

– Понимаю, – покивала я, про себя решив обязательно побывать в кабинете Комарова. Наверное, с этим вопросом можно обратиться к Белых.

В кофейне мы с Анастасией заказали по чашке кофе и, не сговариваясь, по небольшому малиновому чизкейку, расположились за уютным столиком у окна и продолжили разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.